

Святые отцы о Боге и о Его действиях в мире и человеке

Тема №33. Об именах Божиих

«Почему ты спрашиваешь имя Мое? Оно чудно» (Быт. 32:29). И не является ли поистине удивительным такое имя, «которое выше всякого имени?» (Флп. 2:9). Итак, Божество беспредельно и непостижимо. И только это одно — беспредельность и непостижимость — в Нем постижимо. А то, что мы говорим о Боге утвердительно, показывает не природу Его, а то, что сопутствует природе. Назовешь ли ты Его благим, или праведным, или мудрым, или чем бы то ни было другим, ты скажешь не о природе Бога, но о том, что сопутствует природе. Поэтому должно думать, что каждое в отдельности из того, что говорится о Боге, обозначает не то, что Он есть по сущности, но показывает или то, что Он не есть, или некоторое отношение к чему-либо из того, что Ему противопоставляется, или что-либо из сопутствующего Его природе. Безначальность же, и нетленность, и несозданность или же несотворенность, и бестелесность, и невидимость, и подобное показывает то, что Он не есть, то есть что Он не начал бытия и не уничтожается, и не создан, и не есть тело, и невидим. Благодать же и праведность, и святость, и подобное сопутствуют Его природе, но не показывают самой Его сущности. Более ценно и близко к Нему невещественное, нежели вещественное, и чистое, нежели нечистое, и святое, нежели преступное, потому что оно в большей мере причастно Ему. Есть же и нечто, что говорится о Боге утвердительно, но имеет силу превосходного отрицания, как, например, тьма — не потому, что Бог — тьма, но потому, что Он не есть свет, а превышает света. Он — пресущественный, а потому безымянный, а как Виновник всего сущего именуется от всего, имеющего Его причиной. Он по неизреченной благодати благоволил именоваться по тому, что свойственно нам, чтобы мы не были совершенно непричастными узнаванию Его, но имели хотя бы темное понятие о Нем. Все приличествующие Богу имена всегда воспеваются Писаниями как относящиеся не к какой-то части, но ко всей Божественности во всей ее целостности, всеобщности и полноте.

Он как Единое является причиной всего, предшествующей всякой единице и множеству, части и целому, границе и безграничности, пределу и беспредельности, является причиной каждого и всех в целом, а вместе с тем Он пребывает до всех и выше всех. «Сущий» (см.: Исх. 3:14) является сверхсущественной субстанциальной причиной всякого возможного бытия. Из Сущего — и вечность, и сущность, и сущее, и время, и возникновение, и возникающее, сущее в сущих и каким бы то ни было образом возможное и ставшее. И существует Сущий Бог ведь не как-то иначе, но просто и неопределенно, все бытие содержит в Себе и предвещает. Его же Самого не было, не будет и не бывало. Он не возникал и не возникнет, и — более того — Его нет. Но Он Сам представляет Собою бытие для сущих, и не только сущие, но и само бытие сущих — от предвечно Сущего, ибо Он Сам есть век веков, пребывающий до веков. Хорошо сказал святой Дионисий: не было, ибо «было» является характеристикой времени. Бог же выше «было», то есть выше времени. И вечность надо относить к Нему богоподобно, потому что Он при всяком движении остается неизменным и неподвижным, вечно двигаясь, пребывает в Себе и является причиной и вечности, и времени, и дней. Бог Сам для Себя служит пределом и пространством; и ничто не простирается за пределы Бога, потому что Он измеряет и бесконечное: и века, каковые не имеют конца. О Боге говорится, что Он пребывает в сверхвечности Своего бытия. Также Бог воспевается как справедливость — как всех по достоинству наделяющий и благомерностью, и красотой, и благочинием, и устройством, все распределения и порядки назначающий каждому в соответствии со справедливейшим пределом, и для всех и каждого является Бог причиной самостоятельности. Ибо все Божественная Справедливость созидает и определяет, все

сохраняя беспримесным, с другим не смешанным и всему сущему и каждому подобающее дару в соответствии с принадлежащим каждому из сущих достоинству. Чтобы воспеть бессловесную, без умную Премудрость наилучшим образом, скажем, что Она есть причина всякого ума и смысла, всякой премудрости и сознания, что Ей принадлежит всякая воля, от нее — всякое знание и сознание и в Ней «все сокровища премудрости и ведения сокрыты» (Кол. 2:3). Сверхпремудрая и всепремудрая Причина, согласно уже сказанному, есть основание всякой самой-по-себе-премудрости и всей мудрости в целом и во всех ее видах. И имя Сущий распространяется на все сущее и превышает сущее. И имя Жизнь распространяется на все живое и превышает живое. И имя Премудрость распространяется на все мыслящее, разумное и воспринимаемое чувствами и превышает все это. Таким образом, слово стремится воспеть Божественные имена, разъясняющие Промысл. Это слово ведь не обещает разъяснить саму самосверхсущественную доброту, сущность, жизнь и премудрость самосверхсущественной Божественности, которые превыше всякой доброты, божественности, сущности, жизни и премудрости, но только показывает сам Промысл и причину всех благ, творящую сущее, творящую жизнь и дающую премудрость тем, кто причастен сущности, жизни, уму, смыслу и чувству. Таким образом, ко всеобщей, все превышающей Причине подходит и анонимность (безымянность), и различные имена сущего как к настоящей царице всего, от которой все зависит и которой все принадлежит как причине и началу.

Богословы заимствуют имена для Бога не только от всеобщих или частных Его промыслов о мире, но и из некоторых Божественных видений, озаривших посвященных святых или пророков в священных храмах или в других местах. Превосходящего всякое имя они называют именами то одной, то другой причины и силы, придавая Ему то человеческие, то огненные, то янтарные формы и вид, воспевая Его «уши» (Иак. 5:4), «волосы» (Дан. 7:9), «лицо» (Пс. 33:17), «руки» (Иов. 10:8), «крылья» (Пс. 90:4) и «ноги» (Втор. 24:10). Они снабжают Его «венцом» (Откр. 14:14), «престолом» (Иез. 1:26), «кубками», «чашами» (Пс. 74:9; Притч. 9:2–3) и другими полными таинственного смысла вещами. А так как мы находим, что в Божественном Писании весьма многое символически сказано о Боге в телесном образе, то должно знать, что нам как людям, облеченным этой грубою плотью, невозможно мыслить или говорить о Божественных, и высоких, и невещественных действиях Божества, если мы не воспользуемся соответствующими нам подобиями, образами и символами. Поэтому то, что сказано о Боге телесным образом, сказано символически, смысл же имеет более возвышенный, ибо Божество — просто и не имеет формы. Итак, очи Божии и зрение будем понимать как Его надзирающую над всем силу и как безошибочность Его знания, сообразно тому, что у нас при посредстве чувства зрения происходит более совершенное знание и удостоверение. Уши же и слух — как склонность Его к милости и как восприимчивость к нашему молению. Ибо и мы становимся благосклонными к умоляющим через посредство этого чувства, радушнее наклоняя к ним ухо. Уста же и речь — как то, что изъясняет Его волю, потому что и у нас заключающиеся в сердце помышления выражаются через уста в нашей речи. Гнев же и ярость Его — как ненависть и отвращение к пороку. Ибо и мы, ненавидя противостоящее нашей воле, приходим в гнев. Запомни, что помимо образов и символов невозможно нам, во плоти сущим, увидеть невещественное и бесплотное. Ибо мудрое Божие снисхождение, зная немощь нашего ума, неспособного к более высокому созерцанию, создав родственный ему подъем, таким образом сделало доступными для его восприятия высшие Божественные порядки, показав их не такими, каковы они поистине, но такими, какими мы можем их воспринять.

Текст составлен из цитат величайших святых учителей Православной Церкви.

<http://www.princess-and-prince.com>